ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94+276

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-159-165

ДОБРОДЕТЕЛЬ НАДЕЖДЫ В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Епифанова Т. В.

Дипломатическая академия МИД РФ

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Аннотация.

Цель исследования – в выявлении смыслового содержания понятия добродетели «надежда» в учении отца неразделенной христианской церкви Августина (354–430 гг.), созданию и разработке которой на раннем этапе существования способствовала международная историческая обстановка начавшегося германского завоевания Римской империи.

Процедура и методы исследования. Системный анализ в совокупности с терминологическим анализом и сравнительно-историческим методом.

Результаты проведенного исследования. Рассмотрено смысловое содержание, субъект и объект христианской надежды, ее место в триаде теологических добродетелей. Выявлено отличие античного понимания надежды от христианской добродетели, заключающейся в надежде на божественное спасение души.

Теоретическая / практическая значимость. Значимость темы обусловлена тем, что сформулированная ап. Павлом и разработанная Августином система добродетелей в последовавшие столетия определяла духовные ценностные ориентиры развития общества, не утратив актуальности до настоящего времени. Изучение триады добродетелей ведется крайне неравномерно, основное внимание специалистов уделяется добродетелям веры и любви, христианская надежда в учении Августина до настоящего времени не рассматривалась. Устранить пробел призвано предпринятое исследование.

Ключевые слова: раннее христианство, теологическая добродетель, Августин, апостол Павел

VIRTUE OF HOPE IN EARLY CHRISTIANITY: FORMATION AND CONTENT OF THE CONCEPT

T. Epifanova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

53/2-1 Ostozhenka ul., Moscow 119021, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify the semantic content of the virtue concept of "hope" in the teachings of Augustine (354–430) – the father of the undivided Christian Church, the creation and development of which at

an early stage of existence were facilitated by the international historical situation at the beginning of the German conquest of the Roman Empire.

Methodology. The research methodology involved the methods of system analysis, terminological analysis and comparative–historical analysis.

Results. The authors described the semantic content, subject and object of Christian hope, along with its place in the triad of theological virtues. The difference between the ancient understanding of hope and a Christian virtue was revealed, which consists in the hope for divine salvation.

Research implications. The system of Christian virtues, formulated by Paul the Apostle and developed by Augustine, determined the spiritual values of the social development in the following centuries without losing relevance to the present time. The study of the triad of virtues has so far been extremely uneven: the main attention of experts is usually paid to the virtues of faith and love, while Christian hope in the teachings of Augustine has not yet been considered. The present paper is intended to fill this gap.

Keywords: hope, theological virtue, faith, love, Augustine, Paul the Apostle

Введение

Современная система христианских добродетелей не содержит их исчерпывающего перечня и включает в себя несколько категорий нравственных качеств человека. Основу этой системы составляют теологические добродетели веры, надежды и любви. По мере своего развития система дополнилась четырьмя кардинальными (мудрость, благоразумие, мужество, справедливость) и естественными добродетелями, список которых все больше расширялся.

Теологическая триада христианских добродетелей своим первоисточником имеет новозаветные священные писания, в частности апостольские послания Павла к Коринфянам¹ и Римлянам². Зародившись в период языческой античности, система получила развитие и обоснование в трудах отцов неразделенной церкви уже в период официального христианства. Особенный вклад в понимание сути триады внес Августин Гиппонский (354–430 гг.), канонизированный в христианстве как святой католической церковью и как блаженный – православной.

Значимость богословия Августина как для римско-католической, так и для греко-православной церкви неоспорима. Поэтому мнение иеромонаха Афанасия (М. А. Букина) о том, что не только допустимо, но и предпочтительно именование «святитель Августин Блаженный, епископ Иппонийский» [3, с. 67] в православной традиции весьма убедительно. Оно «позволяет сохранить то видение св. Августина, которое было присуще святым отцам Церкви как при его жизни, так и в последующие века» [3, с. 67].

Поскольку учение Августина в последующие века оказывало сильное влияние на развитие христианской доктрины церкви и раннесредневековое мировоззрение, важно обратиться к его пониманию христианских добродетелей, и в частности добродетели христианской надежды.

Необходимо обратить внимание на неравномерность исследования теологической триады добродетелей Августина. Добродетель любви в его наследии активно исследуется специалистами, их внимание привлекает как сам феномен добродетели [8], так и в целом его влияние на мировоззрение и миропонимание средневековья [7] и, в частности, на западную иконографию [4]. Не обойдена вниманием исследователей добродетель веры [2], что невозможно сказать о добродетели надежды, без изучения которой невоз-

¹ Первое послание апостола Павла к Коринфянам // Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. Юбилейное издание, посвященное тысячелетию крещения Руси. Ленинград: Печатный двор, 1988. С. 1244–1261.

² Послание апостола Павла к Римлянам // Там же. С. 1226–1244.

можно рассмотрение всей системы теологических добродетелей.

Концепция добродетели надежды Августина

Первоосновой концепции христианской надежды у Августина стали Послания ап. Павла. Всестороннее исследование христианской любви – агапэ в посланиях ап. Павла предпринял Р. Г. Апресян [1]. Понятие же добродетели надежды у ап. Павла изучено М. Поликарповским [5]. Его исследование убедительно показывает, что вера и упование, надежда и любовь представляют собой различные стороны сложной, но единой духовной установки [5, с. 98]. Понятие «надежда» в Посланиях ап. Павла употребляется в значении «спасение в надежде» и «ожидание» [5, с. 99]. В своем единстве надежда на спасение имеет три момента: обетование будущего, доверие к нему как аспект веры и терпеливость его ожидания [5, с. 99].

Не вызывает никакого сомнения, что концепция добродетели надежды Августина преемственна новозаветной концепции надежды. Отдельный труд Августина, написанный между 421 и 423 гг., «Энхиридион к Лаврентию о вере, надежде и любви» (*Enchiridion ad Laurentium, sive de Fide, Spe et Caritate*) посвящен триаде добродетелей. Понятие христианской надежды рассмотрено им также в главном труде жизни «О граде Божьем» (*De Civitate Dei* – поздний трактат в 22 книгах, потребовавший напряженной работы автора в течение многих лет, с 413 по 427 гг.) и в ряде речей. Несложно заметить, что понятие христианской добродетели надежды Августин формулировал на протяжении всей жизни.

Христианская надежда (*spes*) в системе добродетелей у Августина, как и у ап. Павла, неразрывно соединена с другими элементами триады – верой (*fides*) и любовью (*caritas*). Широко известно высказывание Августина, обосновывающее приоритет любви в теологической триаде

добродетелей: «возлюби Бога и делай все, что хочешь» (*dilige, et quod vis fac*)¹.

Но христианская любовь, как пишет Августин, не может существовать без веры и надежды: «апостол Павел одобряет и заповедует веру, движимую любовью (Гал. 5:6), которая, в свою очередь, не может быть без надежды. Следовательно, нет любви без надежды, нет надежды без любви, нет и обеих без веры»².

Вера является первым элементом триады не случайно. Она по времени предшествует надежде и любви. Только уверовав в Бога, человек получает доступ к обретению надежды и любви: «нельзя надеяться на то, во что не веришь. Верить же можно и в то, на что не надеешься»³. Поэтому, – сначала вера, за ней – надежда.

Продолжая сопоставлять добродетели, Августин пишет: «надеяться же можно только на доброе (*bonum*), только на будущее (*futurum*) и только на того, кого считают способным эту надежду оправдать»⁴. Это широкий контекст понимания надежды как эмоционального чувства, свойственный всем людям, а не только христианам. Христианская же добродетель, будучи основанной на общечеловеческом чувстве, имеет собственный субъект, объект и предмет.

Объект и предмет надежды христианина

В качестве предмета христианской надежды (того доброго, в контексте более широкого понимания чувства, на что необходимо надеяться) Августин, как и ап. Павел, выделяет спасение души. Обращаясь к собратьям по вере, он конкретизирует этот аспект: «Если хочешь знать, на что нужно надеяться, то указываю тебе на воскресение (*resurrection*) <...> И если

¹ Augustinus Aurelius (далее – Aug.) *Sermones. De verbis Dominis in evang. Ioan. VII, 8*. Здесь и далее цит. по изданию: Augustinus Aurelius. *Opera Omnia*. Ed. Froben. Basiliae. 1569.

² Aug. *Enchiridion ad Laurentium, sive de Fide, Spe et Caritate* (далее – *Ench.*), 8.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

ты, человек, колеблешься теперь, то будь тверд в надежде, и если смущает тебя труд, пусть ободрит награда»¹.

Воскресение душ праведных христиан произойдет в будущем, поэтому, как пишет Августин, «мы думаем, что все, совершаемое в спасительных таинствах, больше имеет отношение к надежде на будущие блага, чем к удержанию или достижению настоящих»². В данном случае Августин напрямую связывает надежду на будущие блага (*spes futurorum bonorum*) со всем, совершаемым в спасительных таинствах (*totum quod salutaribus agit sacramentis*). Словосочетание «спасительные таинства» (*salutaria sacramenta*) указывает на то, что его *spes* – христианская по своей сути надежда, а прилагательное *salutaris* подтверждает, что предметом христианской надежды является спасение души человека.

Согласно концепции надежды (*spes*) Августина, объектом надежды христианина может быть только Бог. «Из ... исповедания веры рождается благая надежда верующих, сопровождаемая святой любовью. Но из всех предметов веры к надежде относится только то, что заключается в Молитве Господней. “Проклят всякий, – как свидетельствует Божественное писание, – кто надеется на человека” (Иер. 17:5). А поэтому и тот, кто надеется на самого себя, подпадает под это проклятие. Следовательно, кроме как у Господа Бога мы не должны просить того, что мы надеемся или совершить надлежащим образом, или получить за добрые дела»³. Потому человек не должен надеяться на себя, он должен просить Бога и надеяться на его милость.

Данное положение концепции надежды (*spes*) у Августина очень важно, поскольку, в соответствии с объектом надежды христианина, он разделяет надежду (*spes* – надежда на Бога), являющуюся

элементом системы добродетелей, и превратную надежду (*perversa spes* – надежда на человека)⁴.

Таким образом, *spes*, как элемент системы христианских добродетелей человека, у Августина имеет предметом спасение и будущее воскресение души человека, которое произойдет по воле Бога. Христианская надежда должна проявляться в спасительных церковных таинствах (*sacramenta salutaria*) и молитве христианина, обращенной к Богу.

Цель и сущность христианской надежды

О цели и сущности христианской надежды Августин пишет так: «высочайшее благо града Божия заключается в мире вечном и совершенном, не в том, который переживают смертные, рождаясь и умирая, а в том, в котором пребывают бессмертные, не терпя вовсе никакого бедствия, то кто станет отрицать, что та жизнь – блаженнейшая; или кто не признает, что в сравнении с тою настоящая жизнь – самая жалкая, какими бы внешними душевными и телесными благами она не изобиловала? Впрочем, кто проводит последнюю так, что пользуется этою для достижения той, составляющей предмет его пламенной любви и непоколебимой надежды, о том не без основания можно сказать, что он и в настоящей жизни блажен, но только – надеждой, а не в действительности. Настоящая же действительность без этой надежды есть блаженство ложное и бедствие великое, ибо пользуется неистинными душевными благами»⁵.

Если сопоставить цель добродетели христианской веры (*fides*): «наученный начаткам веры, укрепленный любовью разум при добродетельной жизни порой достигает даже виденья, где святым и совершенным сердцам открывается неиз-

¹ Aug. Sermones, 345, 1.

² Aug. Ench., 66.

³ Aug. Ench., 114; об этом же Aug. De catechizandis rudibus, VIII, 4.

⁴ Aug. Sermones. De verbis Dominis in evang. sec. Matth., XXIX; Aug. Tractatus in Epistolam Joannis ad Parthos, LIX.

⁵ Aug. De Civitate Dei (далее – DCD), XIX, 20.

реченная красота, созерцание которой – высшее блаженство...Последнее есть сущность всего исповедания веры»¹ с целью христианской добродетели надежды (*spes*), указанной им в *De civitate Dei*², то становится очевидным, что они дополняют друг друга.

Целью христианской веры (*fides*) является познание истины и достижение высшего блаженства (*summa Felicitas*). Целью надежды (*spes*) является помощь христианину в преодолении им огромных бедствий (*magna misera*) реальной человеческой жизни на пути к достижению будущей блаженной жизни. Историческая действительность, когда жил и творил Августин, была, по его собственным словам, бедствием великим, и только надежда могла помочь в преодолении все новых и новых трудностей: «О, надежда, ты помогаешь все выносить слаще и приятнее!» (*O spes, tu omnia portare facis dulciter et suaviter!*³).

Страшная для римлян действительность конца IV и начала V вв. нашей эры определяет христианскую надежду (*spes*) на будущее спасение по воле Бога как одну из важных компонентов системы добродетелей. На период жизни Августина выпали события, через которые прошло римское государство перед своей гибелью под натиском германцев. Среди этих событий сильные социальные потрясения, особенно ярко проявившиеся в Северной Африке, где он жил и творил: восстание Гильдона 386–389 гг., движение циркумцеллионов. Это также завоевание «вечного города» готами, возглавляемыми Аларихом, в 410 г. Смерти самого Августина способствовало вандальское завоевание Северной Африки, поскольку он умер в 430 г. во время осады Гиппона вандалами. Все эти события были проявлением главного процесса – процесса разрушения римского государства, закончившего свое существование в 476 г.

В этих исторических условиях сложной для римлян международной обстановки и начавшегося романо-германского синтеза надежда на спасение души в лучшем мире была как никогда актуальна для перенесения тягот повседневности.

Понимание надежды как ожидания блага, которое либо будет, либо нет: «надеждой» зовется благо, которое либо будет, либо нет»⁴, – хорошо известно античному миру. И рецепт: «умерь страх надеждой»⁵ тоже не новый для него. Но римский мыслитель Сенека оценивает надежду как порок: «одолей порок пороком – умерь страх надеждой» (*vitio vitium repelle, spe metum tempera*⁶). Можно сказать, в римской стоической традиции надежда воспринимается как призрачное благо, которое может не случиться, поэтому оценивается как порок.

Такое отношение к надежде в римской мысли может быть обусловлено влиянием греческой философской традиции. Еще Платон указывал на «опасные и зависящие от необходимости состояния: для начала – удовольствие, эту сильнейшую приманку зла, затем страдание, отпугивающее от нас блага, а в придачу двух неразумных советчиц – дерзость и боязнь – и, наконец, гнев, который не внемлет уговорам, и надежду, которая не в меру легко внемлет обольщениям»⁷.

Античное мышление, таким образом, не воспринимает надежду в качестве ценностного ориентира, воспринимая ее как опасное состояние человеческой души или даже порок. Но христианская традиция, и Августин в частности, возведя надежду в ранг добродетели, предлагает новое, по сравнению с классической античностью, видение смысла человеческой жизни.

⁴ Lucius Annaeus Seneca. *Epistulae philosophi*, X, 2. Ed. Plantin. Antverpiae, 1652.

⁵ Lucius Annaeus Seneca. *Epistulae philosophi*, XIII, 12. Ed. Plantin. Antverpiae, 1652.

⁶ Ibid.

⁷ Платон Тимей // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. 4.1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древне-греч. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 559.

¹ Augustinus Aurelius. *Ench.*, 5.

² Aug. DCD, XIX, 20.

³ Aug. *Sermones. Ad fratres in Eremo*, X.

В дальнейшем своем развитии, по точному выражению В. И. Уколовой, «на разных этапах средневековой истории эсхатологическая концепция христианской надежды, представленная Августином, постепенно наполнялась политическим смыслом. Начинает преобладать едва намеченная у Августина мысль о том, что политически организованное мирское общество существует, чтобы способствовать достижению высших человеческих упований, совпадающих с божественными устремлениями. Поэтому христианская надежда приобретала все более земной и действенный характер» [6, с. 140–141].

Продолжая мысль, можно отметить, что особенно сильное воздействие на умы людей и общественное развитие в целом, концепция христианских теологических добродетелей, важное место среди которых занимает надежда, оказывала в период высокого средневековья – период господства религии и церкви над сознанием людей. Постепенно утрачивая свою актуальность с наступлением нового времени и эпохи Возрождения, концепция продолжает оставаться значимой и в настоящее время.

Заключение

Проведенное исследование выявило содержание понятия христианской тео-

логической добродетели «надежда» как надежды на будущее спасение и воскрешение Богом души христианина. Данное понимание было заложено в новозаветных посланиях апостола Павла и получило развитие в трудах Августина Блаженного. Августин обосновал предмет, субъект и объект добродетели надежды, отграничив ее от понятия «превратной надежды» как эмоционального чувства, свойственного дохристианской античной мысли. Если в языческой античности надежда воспринимается как ожидание блага, которого может и не быть, и потому может оцениваться как порок, то в раннем христианстве «надежда» – безусловная добродетель, обретаемая вслед за верой и неразрывно связанная с любовью в триадической системе теологических христианских добродетелей. Целью и назначением добродетели надежды является помощь христианину в перенесении тягот реальной земной жизни, особенно остро ощущавшихся в период кризиса и развала Римской империи. Получив формулировку понятия в учении Августина, добродетель христианской надежды обрела свое существование и развитие в последовавшие столетия.

Статья поступила в редакцию 14.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Р. Г. Агапэ // Человек, 2015. № 3. С. 26–39.
2. Джавиш О. Учение о вере и разуме Августина Аврелия: содержание и становление // Философская мысль. 2019. № 4. С. 44–49.
3. Иеромонах Афанасий (Букин). К вопросу о титуловании блаженного Августина Аврелия в восточной православной традиции // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 60–72.
4. Козарезова О. О. Влияние на западную иконографию категории любви в тринитарной концепции блж. Августина // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений: сборник статей. М.: Летний сад, 2018. С. 199–210.
5. Поликаровский М. Понятие «надежда» в Посланиях апостола Павла // Труды Саратовской православной Духовной семинарии. 2014. № 8. С. 96–104.
6. Уколова В. И. Философия истории Аврелия Августина // Религии мира: ежегодник, 1985. М.: Наука, 1986. С. 127–145.
7. Хондзинский П. В. Средневековая проповедь FORTIS EST UT MORS DILECTIO в контексте августинианской традиции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 3. С. 130–139.
8. Шубина М. М., Медведь В. Д. Учение Августина как основа христианской этики любви // Интеграция наук. 2017. № 4 (8). С. 90–92.

REFERENCES

1. Apresyan R. [Agape]. In: *Chelovek* [Man], 2015, no. 3, pp. 26–39.
2. Dzhavish O. [The doctrine of the faith and the mind of Aurelius Augustine: the content and formation]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 2019, no. 4, pp. 44–49.
3. Monk Athanasius (Bukin). [To the issue of titles of St. Augustine Aurelius in the Eastern Orthodox tradition]. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian reading], 2018, no. 3, pp. 60–72.
4. Kozarezova O. [The influence of the Western iconography of the categories of love in the Trinitarian concept of blessed John Paul II. Augustine]. In: *Poisk istiny kak aksiologicheskaya paradigma gumanitarnogo znaniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee materialy po itogam VII Ioannovskikh nauchnykh chtenii: sbornik statei* [The search for truth as an axiological paradigm of humanitarian knowledge: past, present and future materials on the basis of John VII scientific readings: collection of articles]. Moscow, Letnii sad Publ., 2018, pp. 199–210.
5. Polikarovskii M. [The concept of "hope" in the Epistles of the Apostle Paul]. In: *Trudy Saratovskoi pravoslavnoi Dukhovnoi seminarii* [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary], 2014, no. 8, pp. 96–104.
6. Ukolova V. [The philosophy of history Aurelius Augustine]. In: *Religii mira: ezhegodnik, 1985* [Religion of peace: Yearbook, 1985]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 127–145.
7. Khondzinskii P. [Medieval sermon FORTIS EST UT MORS DILECTIO in the context of the Augustinian tradition]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2018, vol. 19, no. 3, pp. 130–139.
8. Shubina M., Medved' V. [Augustine]. In: *Integratsiya nauk* [Science integration], 2017, no. 4 (8), pp. 90–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Татьяна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ;
e-mail: tanjaepi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Epifanova – PhD in Historical sciences, associate professor at the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: tanjaepi@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Епифанова Т. В. Добродетель надежды в раннем христианстве: становление и содержание понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 159–165.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-159-165

FOR CITATION

Epifanova T. The virtue of hope in early Christianity: the formation and content of the concept. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 159–165.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-159-165